

КУКОЛЬНЫЙ ФАРС «ШЕКС ПРОТИВ ШО» – ИТОГ ПОЛЕМИКИ БЕРНАРДА ШОУ С УИЛЬЯМОМ ШЕКСПИРОМ

(Научный руководитель – канд. филол. наук, доц. А. М. Бутырчик)

Итогом многолетней творческой полемики Бернарда Шоу с Уильямом Шекспиром стала пьеса «Шекс против Шо» («Shakes versus Shav», 1949). Спор между двумя великими драматургами здесь развивается в нескольких направлениях. Во-первых, называя пьесу «Дом, где разбиваются сердца» современным вариантом «Короля Лира», Б. Шоу без лишней скромности четко определяет свое место в пантеоне английских драматургов. Во-вторых, несмотря на то, что всю свою творческую жизнь Б. Шоу измерял себя по У. Шекспиру, в конце жизни превосходство он оставляет за стратфордцем.

Историю создания кукольного фарса и причины, по которым он обратился именно к этому жанру, Б. Шоу подробно раскрывает в предисловии: «This in all actuarial probability is my last play and the climax of my eminence, such as it is. I thought my career as a playwright was finished when Waldo Lanchester of the Malvern Marionette Theatre, our chief living puppet master, sent me figures of two puppets, Shakespeare and myself, with a request that I should supply one of my famous dramas for them, not to last longer than ten minutes or thereabouts. I accomplished this feat, and was gratified by Mr. Lanchester's immediate approval» [3]. Далее Б. Шоу говорит, что режиссерскому мастерству он научился именно у героев кукольного театра, и раскрывает специфику игры и воздействия на зрителя кукол в сравнении с живыми актерами: «I have learnt part of my craft as conductor of rehearsals (producer, they call it) from puppets. Their unvarying intensity of facial expression, impossible for living actors, keeps the imagination of the spectators continuously stimulated. When one of them is speaking or tumbling and the rest left aside, these, though in full view, are invisible, as they should be <...> Puppets have also a fascination of their own, because there is nothing wonderful in a living actor moving and speaking, but that wooden headed dolls should do so is a marvel that never palls» [3].

Далее драматург говорит о «неистощимости» собственного интереса к У. Шекспиру, который возник у него в раннем детстве и протянулся до страдфордских фестивалей. Наконец, заканчивая предисловие, Б. Шоу отождествляет себя с У. Шекспиром: «Enough too for my feeling that the real Shakespeare might have been myself, and for the shallow mistaking of it for mere professional jealousy» [3].

Пьеса начинается видоизмененной популярной цитатой из исторической хроники «Ричард III». В начальной строфе У. Шекспира: «Now is the winter of our discontent / Made glorious summer by this sun of York» [2, с. 185] изменено место действия: Малверн и, соответственно, малвернское солнце. Наиболее известный в русском контексте перевод, в том числе использованный при переводе названия романа Дж. Стейнбека, – это перевод М. Лозинского: «Зима тревоги нашей позади. Нам солнце Йорка лето возвратило». Шекс горд тем,

что в Стратфорде ежегодно в его честь проводятся фестивали, и что он – «for all times».

Первая микросцена – вызов Шексом Шо на битву, попытка померяться величием. К сожалению, в русских переводах почему-то не сохранена та богатая палитра обращений, которой пользуется Шекс в отношении оппонента: *infamous impostor* (ср. *нахал*), *fiend of Ireland* (*ирландский бес*), *shameless fraud* (*презренный*). Шекс насмехается над Шо за то, что тот пытается быть его новым воплощением (буквально: *to reincarnate my very self*) [3]. Шо, как «лицо, известное всей планете», в стилистике У. Шекспира (а в пьесе используются грамматические формы языка шекспировской эпохи) достойно отвечает собеседнику: «Nay, who art thou, that knowest not these features Pictured throughout the globe?» [3].

Драматурги поочередно отправляют друг друга в нокаут. Шекс, несмотря на то, что он на триста лет старше, вскакивает на счет «десять» после слова «аут», иронизируя о том, что Шо скоро приберет смерть, а его слово пребудет в веках. При этом Шекс обращается к началу 55 сонета, в котором звучит тема *vita brevis ars longa*. Шекс намекает на то, что в творчестве – истинное бессмертие: «Not marble nor the gilded monuments / Of princes». И Шо продолжает: «shall outlive *your* (выделено мной. – А. Г. Х.) pow'rful rhyme» [3]. Обратим внимание, что в русском переводе А. Аникст точно следует за текстом сонета в версии С. Маршака: «Замшелый мрамор царственных могил // Исчезнет раньше этих веских слов» [1, с. 574], в то время как Б. Шоу ситуативно видоизменяет строку У. Шекспира: не «*этих* веских слов», а «*твоих* веских слов». Оригинальные сонетные строки: «Not marble nor the gilded monuments / Of princes shall outlive *this* pow'rful rhyme» [2, с. 757]. Таким образом Б. Шоу персонализирует строку под ситуацию – прием, к которому драматург обращался достаточно часто. Далее дается четкое указание, откуда взята цитата: «So you have told us: I have read your sonnets» [2]. Иными словами – из сонетов.

Шекс спрашивает Шо, может ли тот написать «Макбета»? Выше обращалось внимание на то, что Б. Шоу не однажды пытался «переписать» эту трагедию, в том числе в прозаическом варианте. Поэтому в контексте фарса, возможно, звучит намек на эти попытки «переписывания» Шекспира. Тем не менее, герой фарса говорит, что в написании нового «Макбета» нет необходимости, потому что в литературе появился автор, который писал прекрасные произведения на шотландскую тему – Вальтер Скотт.

Пьеса состоит из четырех микроэпизодов, в которых задействовано шесть кукол. Кроме Шо и Шекса, в пьесе появляются еще две пары героев: Роб Рой и Макбет, Шотовер и девушка. Эпизоды с Макбетом и Роб Роем и Шотовером и девушкой соответственно можно также рассматривать и как пьесы в пьесе, если не учитывать и без того малый размер кукольного фарса. Обрамляющим выступает диалог Шекса и Шо.

Следующая пара героев, таким образом, – Макбет и Роб Рой. Поединок этих героев напоминает финальные сцены трагедии «Макбет», в которой шекспировский герой лишается головы. Начинается же он новой, на сей раз

точной, цитатой из «Ричарда III», акт 5, сцена 2: «Thus far into the bowels of the land / Have we marched on without impediment» [2, с. 216]. Слова Макдуфа перед поединком в 5 акте, 8 сцене в фарсе вложены в уста Макбета: «I have no words. My voice is in my sword». Бой заканчивает молниеносно. Роб Рой одним ударом отрубает голову Макбету.

Последняя в сцене реплика Роб Роя в русском переводе: «Иди ищи Шекспира своего» [1, с. 574] не передает шотландского колорита оригинала: «Whaur's your Wullie Shaxper the poo?» [3]. Сцена заканчивает буффонадой: Макбет подхватывает свою голову и уходит под марш британских гренадеров. Вероятно, судя по его последним словам, он отправляется в Стратфорд, «где номера в отелях дешевле» [1, с. 575].

Далее Шекс по просьбе Шо приводит единственную строчку из трагедии «Макбет», которая ценней тысячи пустых шовианских пьес. Это строка из 3 акта, 2 сцены трагедии «Макбет»: «The shardborne beetle with his drowsy hum» [2, с. 987]. Вопрос, почему Б. Шоу выбрал эту строку, вызывает много споров и не имеет ответа. В контексте шекспировской пьесы наиболее приемлемой представляется версия о том, что жужжание жука в ночи – звук, который наиболее ярко передает зловещий, напряженный момент. Достаточно интересным является тот факт, что жужжание жука в ночи, нарушающее тишину, – распространённый образ английских колыбельных песен.

Шо не вступает в полемику с Шексом своей строфой, а приводит строки из Адама Линдсея Гордона, которые, как выяснили комментаторы, на самом деле принадлежат Дж. Райли. Это еще один весьма интересный момент, который позволяет предположить, что искажения и неточности в шекспировских цитатах, по крайней мере, в поздних произведениях, возможно, предопределены тем, что Б. Шоу цитирует их по памяти, а потому не всегда может воспроизвести дословно.

Шо предлагает контекст, в котором должна померкнуть уникальность предложенной Шексом строки. Последний не понимает, над кем смеется Шо: над собой или над ним. Шо отвечает перифразой знаменитых гамлетовских строк из акта 1, сцены 5: «There is more fun in heaven and earth, sweet William, Than is dreamt of in your philosophy» [3]. Сравним с оригиналом: «'There are more things in *Heaven and Earth*, Horatio, than are dreamt of in your philosophy» [3, с. 662]. Характерно, что в русском переводе при передаче перифразы почему-то исчезло обращение «sweet William».

Классическим местом в пьесе, к которому неизменно обращаются критики и исследователи творчества Б. Шоу, является момент, когда Шо говорит, что пьеса «Дом, где разбиваются сердца» является его вариантом «Короля Лира». Выше мы также акцентировали на этом внимание.

На сцене появляется Шотовер и молодая особа девственной красоты. Их короткий диалог построен, в основном, на цитатах из пьесы Б. Шоу. При этом в русском переводе практически невозможно передать фонетическую игру слов. Девушка повторяет реплику Элли: «...this silly house, this strangely happy house, this agonizing house, this house without foundations. I shall call it Heartbreak House». Далее Шотовер обыгрывает слово «heartbreak»: «Enough. Enough. Let

the *heart break* (выделено мной. – А.Г.Х.) in silence». Игра продолжается, и появляется слово «heartache», но уже в цитате из монолога Гамлета: «The *heart-ache* (выделено мной. – А.Г.Х.) and the thousand natural shocks / That flesh is heir to...» [2, с. 670]. При этом Б. Шоу изменяет «shocks» на «woes». Учитывая, что цитируется самый известный монолог Гамлета, не думаю, что такая замена случайна. Шекс утверждает, что о разбитых сердцах он написал гораздо раньше Шо. Последний парирует, говоря о том, что он научился не только разбивать, но и чинить сердца.

В очередной раз Б. Шоу акцентирует внимание на необходимости оптимистического взгляда на жизнь. Характерно, что в двух предыдущих пьесах «Миллиарды Байанта» и «Притчи о будущем» к различного рода «совершенствователям мира» Б. Шоу относится с ироническим скептицизмом, вспоминая пресловутую шекспировскую «злую обезьяну» – определение, которое даёт человеку У. Шекспир в проблемной пьесе «Мера за меру». Герой третьей притчи о будущем отождествляет себя скорее с Автоликтом, бродягой из пьесы «Зимняя сказка», чем с Просперо: «*My name's not Prospero: it's Autolycus*». В кукольном фарсе шовианский Шотовер из пьесы «Дом, где разбиваются сердца» противопоставляет веру в труд на пользу общества разочарованию людей с разбитыми сердцами. Вместе с тем отметим, что пессимизм героев У. Шекспира (в частности Гамлета, Тимона Афинского) был продиктован общим кризисом ренессансного гуманизма. Пессимистические, с точки зрения Б. Шоу, рассуждения Просперо об эфемерности человеческого бытия (строки из «Бури» приводятся в конце фарса) органично вписывались в мировоззрение маньеризма и позднейшего барокко с его доктриной *vanitas mundi*.

Шо утверждает, что мир намного переживет «всех живущих», а значит Шо с Шексом (в оригинале так и есть: «нас»). Фарс по-прежнему будут играть на сцене, а Immortal William умрет, превратится в прах. И далее опять реверсивно цитируются строки из сцены на кладбище в 5 акте, 1 сцене «Гамлета»: «...[бессмертный Уильям] turned to clay May stop a hole to keep the wind away. Oh that that earth which kept the world in awe Should patch a wall t' expel the winter's flaw!» [3] – с той только разницей, что в трагедии эти строки касались Юлия Цезаря. Шекс возмущен тем, что Шо говорит его словами. Шо успокаивает завистливого барда (jealous Bard) напоминанием о смертности обоих: «We are both mortal» и просит потерпеть, пока «My glimmering light to shine». Шекс задувает этот «glimmering light», цитируя знаменитые строки Макбета: «Out, out, brief candle!» [2, с. 998], которые в данном метафорическом контексте звучат иронично.

Думается, что неслучайно одно из своих последних произведений Б. Шоу заканчивает цитатой из «Макбета». Начало монолога обозначено в тексте: «Tomorrow, and tomorrow, and tomorrow». Далее у У. Шекспира: «...Creeps in this petty pace from day to day / To the last syllable of recorded time, / And all our yesterdays have lighted fools / The way to dusty death. Out, out, brief candle!» [2, с. 997 – 998]. В подтексте остаются очень важные для понимания кукольного фарса и завершающегося творческого пути Б. Шоу в целом слова

о человеческой жизни как об истории, рассказанной идиотом, полной шума и ярости и не значащей ничего: «Life's but a walking shadow, a poor player / That struts and frets his hour upon the stage / And then is heard no more: it is a tale / Told by an idiot, full of sound and fury, / Signifying nothing» [2, с. 998].

Таким образом, в заключении предлагаются следующие выводы:

1. В кукольном фарсе «Шекс против Шо» Б. Шоу подводит итог творческой полемики с У. Шекспиром, отдавая предпочтение эвонскому барду.

2. Проблемно-тематическое поле пьесы формируется вокруг темы вечности искусства vs бренности человеческого существования и в значительной степени определяет специфику интертекстуальных вкраплений (соответствующие цитаты из 55 сонета, а также трагедий «Гамлет» и «Макбет», которые являются основными шекспировскими прецедентными текстами для Б. Шоу).

3. Буффонада, фарс, иронические замечания героев в адрес друг друга, кулачный бой, и, более широко, выбор драматругической стилистики восходит к традиции английского кукольного театра.

4. Традиционно обращаясь к текстам У. Шекспира, Б. Шоу цитирует их ситуативно, т.е. адаптирует цитату под ситуацию, например, заменяя адресата или искажая цитату.

5. Диалог Шекса и Шо в значительной степени построен на отсылках к творчеству драматургов, на постоянном соотношении их творческих достижений (часто через ироничные определения друг друга, замечания по поводу внешности).

6. Характерно, что язык кукольного фарса стилизован под язык шекспировской эпохи.

Литература

1. Шоу Б. Шекс против Шо // Шоу, Б. Полное собрание пьес: В 6 т. Т.6. – Л.: Искусство, 1981. – С. 369 – 578.
2. Shakespeare W. The Complete Works. – Hertfordshire: Woods Worth Editions Ltd., 1994. – 1263 p.
3. Shaw, B. Shakes versus Shav. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://wikilivres.ca/wiki/Shakes_versus_Shav . –Дата доступа: 21.03.2017.